

THE SHOES

FERDINANDO

ЧЕЛОВЕК GILLETTE, ОБУВЬ

THE FAMILY · 02

В ЧЁМ РАЗНИЦА?

Было 10 ноября 1984 года, 9:30. Отец открыл дверь моей спальни, впустил свет и сказал: «Нандо, у дверей карабинеры, спрашивают тебя. Какого хрена ты натворил?»

«Пап, — сказал я, — ты издеваешься? Дай поспать. Я вернулся только сегодня под утро. Мелания меня вчера совсем вымотала».

«Какая ещё, к чёрту, Мелания? Поднимай задницу, умойся, оденься и выходи. Поговори с ними и узнай, чего они хотят». «Ладно, иду».

Старшина Поска и вице-бригадир Патане проверили мои документы, а потом сказали: «Если 17 ноября вы не явитесь в школу бронетанковых войск „Феррари Орси“ в Казерте для исполнения воинской обязанности, военная прокуратура завтра же с утра выдаст ордер на ваш арест. Мы приедем за вами и отвезём вас в тюрьму».

Я посмотрел на них и сказал: «Кофе хотите? Я только что проснулся. Сейчас вернусь, и вы расскажете мне вторую половину этого фильма. Забавные вы, надо сказать».

Отец жестом дал понять военным, что я не в своём уме, и они взяли паузу. Вернувшись с кухни, я спросил, не должен ли я был получить повестку. У них была расписка в получении, подписанная моей матерью, которая в тот самый момент была на работе.

Не теряя больше ни секунды, я извинился за недоразумение и заверил их, что в назначенный день буду на месте, готовый надеть ту одежду, которую носишь двенадцать месяцев, пока у неё, как у йогурта, не истечёт срок годности.

Я собрался. В ночь отъезда отец попрощался со мной взмахом руки. Когда я попросил его добавить что-нибудь к моим немногим лирам — по-нынешнему это около десяти евро, — он сказал: «Растяни их. Ты будешь получать 60 000 лир в месяц. Это всё, на что тебе придётся жить».

Мать притворилась спящей и не ответила. В 23:45 ко мне приехал мой друг Оресте на Fiat 850 своего отца — тот работал на железной дороге — и отвёз меня на вокзал. Тогда я не понимал поведения родителей. То, что они делали, казалось мне нормальным. Это был мой первый настоящий урок.

В Неаполь я прибыл в 6:10 следующего утра, а оттуда поездом доехал до Казерты. На вокзале я спросил дорогу к казарме и прошёл пешком ещё тридцать минут до ворот. Я доложил о прибытии дежурному офицеру, и тот сказал: «Ещё один опоздавший, призыв 9/84». Я входил в новый дом. Мне предстояло покинуть его через год.

Меня сразу отправили на вещевой склад. Мне выдали рюкзак, две пары армейских ботинок — одни низкие, другие высокие, — ремень, шерстяные носки, два котелка, кружку, флягу, стальную коробку для лекарств, кеды, камуфляж, кепи, парадную форму, феску для ношения в казарме, двое трусов-боксёров словно прямоиком из Первой мировой и две шерстяные нательные рубахи с длинным рукавом. Я улыбнулся, ещё не понимая, как эти рубахи спасут мне жизнь.

Было ощущение, будто я попал в кино. Я вышел, насвистывая, и шедший навстречу офицер остановил меня и влепил мне двое суток взыскания за то, что я не отдал ему честь. Судьба решила, что сорок восемь часов я просижу взаперти на своей койке, никого не видя.

Два утра подряд мне доставался наряд по сортиру: отмывать туалеты после того, как там посрали 280 человек, — и не у всех получилось попасть внутрь. Брежневости я не испытывал. Это тоже была военная служба. Мне нужно было увидеть и усвоить, что не у всех дерьмо одного цвета, и дело тут не только в еде.

Через неделю ко мне пришёл сослуживец из мест неподалёку от моего родного города. Его звали Франко Николо, призыв 5/84. На гражданке он был торговым представителем всемирно известной обувной марки. Я ему приглянулся. Через сорок дней он сумел выбить мне увольнительную на сорок восемь часов, и мы вместе помчались домой на его машине. Восемь часов в дороге, но оно того стоило.

Дома мать спросила, не сбежал ли я. Она рассчитывала, что я не буду путаться у неё под ногами гораздо дольше. В воскресенье в полночь Франко заехал за мной, и мы двинулись в обратный путь.

Когда я садился в машину, он велел мне держать между ног пятилитровую бутылку вина. Она предназначалась его старшине — способ оставаться у того в милости. Однако к тому времени, как мы добрались до казармы, мы были пьяны. Мы тут же сказались больными на два дня.

Потом один офицер при всех пригрозил Франко. Франко ответил: «Как только мы выйдем за ворота казармы, я тебя

пристрелю». Офицер приказал его арестовать и отдал под военный трибунал. Он получил шестьдесят суток военной тюрьмы.

Больше я его там не видел, потому что меня перевели в другое место. Но когда тот срок закончился, мы часто встречались недалеко от работы и обедали вместе, вспоминая вино старшины.

Он открыл обувные магазины самообслуживания, и дела шли хорошо. Всякий раз, когда я заходил что-нибудь купить, меня принимали по-королевски — скидка поверх скидки. Но только я знал, что продавец он лучше меня. Я ни разу ни словом об этом не обмолвился. Я уже был ЧЕЛОВЕКОМ GILLETTE.

УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР НОВОБРАНЦЕВ

Началась подготовка: разобрать и собрать винтовку, потом другую, потом пистолет. Чистить их. Марши, бег, перерывы, столовая, обязательные наряды по казарме, солдатская столовая, сержантская столовая и офицерское собрание.

Было Рождество, девять вечера, мороз. Эти шерстяные рубахи стали спасением, особенно когда начались наши первые караулы. Потом нас наградили пятнадцатью днями охраны порохового склада. Мытьё было миражом. В трусах уже не отличишь паразита от грязи, а родинку от вши.

Температура была безумная: минус тридцать. Отлить было невозможно — всё замерзло, и ты ходил со сталактитом мочи на члене. Хахахахаха.

А если бы ты хоть подумал о том, чтобы уснуть, то рисковал бы взысканием и тюрьмой. Проблема была не в том, куда

идти: мы стояли в карауле прямо там, между заключёнными и заводами боеприпасов.

Однажды в свободный вечер я стоял поодаль от офицерского собрания. Я смотрел, как на танцы прибывают красивые надушенные женщины со своими офицерами, излучавшими обаяние и власть. И я начал понимать, с какими трудностями, должно быть, столкнулся мой отец в двадцать два года, когда оставил службу капитаном бронетанковой кавалерии.

ТАНКИ. Те самые машины, которые я должен был водить, — вот только я ни в один не помещался.

Но однажды днём командир роты вызвал меня для задания за пределами части. Я должен был отвезти на машине в Неаполь одну женщину. Никто не сказал мне, кто она. Я узнал позже: это была дочь генерала, который командовал казармой.

Выбор пал на меня, и никто не мог сказать почему. Я был солдатом; это были служебные задания, оплачиваемые отдельно. Но дело было не только в деньгах.

Её звали Карла. Тридцать восемь лет, ни разу не была замужем, ни разу не была помолвлена. Красивая — это ничего не сказать: дерзкая и озорная, мягко говоря.

Это было моё первое членугодное дело, и вышло оно совсем неплохо. Я слышал, что она меня потом снова искала, но к тому времени меня уже перевели в армейскую спортивную роту. Я играл в регби, а позже попал в военную сборную.

ОБУВЬ

Об обуви мы редко задумываемся всерьёз, хотя для тела и разума она значит очень много. В те времена ещё важнее было, чтобы она была кожаной: кожа — единственный

материал, который сохранял ноги сухими, а всё тело — в рабочем состоянии.

Я никогда не снашивал много обуви. У меня её было очень мало, и ту, что была, я всегда старался чинить. Мне была важна функция, а не внешний вид. Дать под зад можно кому угодно и в какой угодно обуви, и никто не увидит, есть ли на ней дизайнерский ярлык.

Сегодня жена просит меня заехать в обувной магазин самообслуживания. Я вспоминаю, что когда-то этот магазин принадлежал Франко, моему сослуживцу, и мы заходим.

Прошло сорок лет. Всё по-прежнему — та же планировка. Пока жена выбирает себе обувь, она вручает мне коробки поддержать, а сама идёт к скамейкам примерять.

Тем временем одна женщина спрашивает, где женский отдел, и я показываю дорогу. Какой-то господин спрашивает, есть ли эта модель 41-го размера, и я говорю ему, что этот размер распродан. Две женщины, примеряющие обувь, спрашивают моего мнения, и я говорю им, что в этих туфлях они выглядят чудесно.

Жена ничего не замечает. Вот уже двадцать минут, сам того не осознавая, я работаю продавцом-консультантом. Все идут ко мне. Мужчинам я отвечаю холодно и плохо, а женщинам достаётся всё моё восхищение их выбором.

Касса переполняется и едва не зависает. Хозяин не может понять, что происходит. Мы оплачиваем обувь и идём к выходу, но сначала я спрашиваю, знает ли он Франко. «Да, — говорит он, — это мой отец». «Тогда передайте ему от меня привет».

Когда мы уходим, женщины показывают на меня и машут рукой. Жена по-прежнему ничего не замечает.

Проблема возникает часа через два, когда дочь хочет вернуться в обувной магазин. Там сын хозяина отводит меня в сторону и говорит: «Господин Фрега, я ничего не сказал на кассе. Не хотел, чтобы покупатели услышали и устроили сцену. Папа в 2021 году попал в страшную аварию, а в 2023-м он нас покинул».

Мне искренне жаль. Я рассказываю его сыну одну историю, которую пережил вместе с его отцом, и он крепко обнимает меня со слезами на глазах.

Дочь покупает обувь, расплачивается, и мы уходим. Прощаясь, сын кричит мне вслед: «Заходите ко мне. Мне нужны такие продавцы, как вы, — которые работают бесплатно». А я отвечаю: «Вы ведь не скачивали мои книги, правда?»

Он улыбается. И жизнь продолжается.

Ferdinando